

Кожа на пояснице Сюэ Кайчао была холодной, словно камень — твёрдой и прохладной, ощущаясь сквозь тонкую, как лёгкий туман, ночную рубашку. Она медленно поднималась и опускалась вместе с дыханием.

— Пойду за лекарством?

По какой-то причине Шу Цзюнь не решался пошевелиться, будучи прижатым снизу. Он даже не осмеливался поднять голову, не мог убрать руку, лишь цеплялся за аптечку как за спасательный круг, пытаясь получить разрешение Сюэ Кайчао уйти.

Однако Сюэ Кайчао взял его руку и заставил развязать свободный пояс ночной рубашки, проведя её внутрь.

— Нет.

Эта сцена была как минимум неприличной, а возможно, даже намекала на что-то большее. Шу Цзюнь не знал, как отказаться, но всё же неохотно провёл рукой внутри. Пояс не был ни тугим, ни свободным, он смог просунуть внутрь палец, но не нащупал ни грязи, ни крови, ни ожидаемых ужасных шрамов.

Только плотно сомкнутые чешуйки.

В тот момент, когда Шу Цзюнь провёл рукой внутрь, Сюэ Кайчао приподнялся и развязал пояс. Шу Цзюнь невольно прижал всю ладонь к чешуйкам под поясом, вода рукой взад-вперёд.

Когда он проводил рукой по направлению чешуек, они казались гладкими и твёрдыми, но при движении против чешуек ощущалась их острота. Шу Цзюнь ещё не успел задуматься, почему у человека, чьим духовным телом был Цилинь, на теле могли быть чешуйки — даже если некоторые люди могли менять форму в бою благодаря духу зверя, это всё же должно было иметь какую-то связь, как могло быть совершенно не связано?

В этот момент Сюэ Кайчао снова обнял его, плотно прижав к себе, словно держа грелку, не спрашивая согласия Шу Цзюня, быстро устроившись для сна.

— Ты очень тёплый.

Шу Цзюнь смущённо ответил:

— Это от природы.

Он невольно понизил голос, словно боясь нарушить сон собеседника. Только после этого он понял, что Сюэ Кайчао действительно использовал его для тепла, точно так же, как в беседке на горе.

Возможно, это было слишком естественно, всё происходило так плавно, что Шу Цзюнь даже успокоился, не считая, что Сюэ Кайчао взял его без причины и без выгоды.

Лазурный Цилинь, который спал у изголовья Сюэ Кайчао, тоже проснулся, выпустил воздух из носа, прижался к задней части шеи Шу Цзюня, положив передние копыта на его плечи, и крепко уснул.

Шу Цзюнь, почувствовав его близость, подумал, неужели Лазурный Цилинь тоже чувствует холод Сюэ Кайчао?

Духовное тело было частью хозяина, но хозяин не обязательно был связан с духовным телом. Однако поведение обоих было похожим, они не спрашивали разрешения, прежде чем обнять.

Шу Цзюню пришлось смириться, молча лежа между ними, не имея возможности пошевелиться.

Шерсть Лазурного Цилиня была длинной, вьющейся, мягкой, пушистой и густой, но не двигалась вместе с дыханием — духовное тело не нуждалось в дыхании.

Через некоторое время Шу Цзюнь привык к этой ситуации.

Он чувствовал, что хотя Сюэ Кайчао был здесь сегодня ночью, его мысли были не только о том, что происходило здесь, а лишь частично о нём самом.

Подарить ему нож, наверное, было запланировано заранее, но позвать его спать сюда было спонтанным решением.

Хотя это и не было сказано напрямую, Шу Цзюнь прекрасно понимал, что он ещё не заслужил особого внимания Владыки Цинлиня.

Его рука оставалась на пояснице Сюэ Кайчао, не убираясь, и через некоторое время он обнаружил странность в чешуйках, прилегающих к коже. Хотя они были плотно расположены, между ними была трещина, не похожая на естественную, она была перерезана, узкая щель, окружённая чешуйками. Плоть по обе стороны пыталась срастись, а чешуйки старались сомкнуться, чтобы защитить новую нежную плоть.

Но, очевидно, она ещё не зажила.

Не было ли это иллюзией, но после того, как Шу Цзюнь обнаружил эту рану, он вдруг почувствовал холод в чешуйках.

Он думал, что никогда не бывал в местах, где каждая вещь была столь изысканна, никогда не спал на таких высоких кроватях с тёплыми подушками, и даже не был обнят Сюэ Кайчао, пусть даже только для тепла, и поэтому не сможет легко уснуть.

Однако он незаметно закрыл глаза и, открыв их снова, обнаружил, что уже наступило утро.

Сюэ Кайчао лежал с открытыми глазами, но Шу Цзюнь не мог понять, когда тот проснулся. Он инстинктивно провёл рукой по уголку рта, убедившись, что слюна не потекла, быстро встал, откинул полог и, посмотрев наружу, спросил:

— Владыка, вставать?

Он не был новичком в обслуживании других, но, конечно, ухаживать за обычными людьми было не то же самое, что ухаживать за Владыкой Цинлинем. Это было дело Ю Юнь и других служанок.

Однако Сюэ Кайчао уже сам сел, сначала надел ночную рубашку, а затем попросил его позвать других.

Шу Цзюнь, пользуясь утренним светом, ясно увидел рану, которая почти отпечаталась в его памяти.

Чешуйки были тёмно-синего цвета, твёрдыми, плотными, каждая меньше человеческого ногтя,

с лёгким блеском, плотно сомкнутыми. Когда они двигались вместе с дыханием, создавали мерцающий блеск. Посредине был чёрно-красный шрам, который, судя по всему, ещё не зажил. Шрам был недлинным, максимум на два сустава, похожим на колотую рану, которая могла образоваться от вонзившегося внутрь лезвия.

Шу Цзюнь не смел смотреть дольше, поспешил выйти и позвать других.

Снаружи были люди, специально занимающиеся утренним туалетом и уборкой Сюэ Кайчао. Шу Цзюнь по указанию других служанок отправился в свою комнату, умылся и вернулся.

За этот день и ночь Сюэ Кайчао сменил три наряда, ни один из которых не был похож на другой. Шу Цзюнь тоже переоделся, надел узкие рукава, длинные сапоги и верхнюю одежду, подпоясанную ремнём, который подчёркивал его стройную юношескую талию. Он был высоким, с узкими плечами, и в этом наряде выглядел остро и ловко.

Ю Цюань, которая принесла ему одежду, поправила воротник, отступила на шаг, осмотрела его и с удовлетворением сказала:

— Хорошо, как журавль с осанкой богомола. Кроме тебя, рядом с Владыкой нет других близких юношей. Ты хорошо выглядишь, и это делает честь нам всем.

Шу Цзюнь не понимал связи между этими словами и их смыслом, но Ю Цюань обращалась с ним как с куклой, и он только покраснел, позволяя ей вертеть его, как хотелось.

Что произошло прошлой ночью на озере и на земле, Шу Цзюнь не видел, но он знал, что Ю Юнь, Ю Цюань и другие шесть служанок отразили атаку как минимум сотни человек.

Смог бы обычный человек сделать это? Конечно, нет.

Хотя эти служанки передвигались и говорили мягко и нежно, заботясь о Сюэ Кайчао с невероятной внимательностью, и каждая из них была неземной красавицей, они не были просто цветами, а скорее острыми и сильными, вероятно, такими же избранными орудиями, как и он сам.

Не могло быть, чтобы Сюэ Кайчао не имел этого в виду, а Ю Цюань просто наряжала его. Всё это было только для Сюэ Кайчао. Когда Ю Цюань подтолкнула его к Сюэ Кайчао, Шу Цзюнь пытался напомнить себе оставаться спокойным, но всё же почувствовал, как встали дыбом волосы от лёгкого взгляда, упавшего на него.

Он быстро опустил голову, в одно мгновение вспомнив слова Ю Цюань: «Кроме тебя, рядом с Владыкой нет других близких юношей». Неужели это имело тот смысл, который он думал?

Если бы кто-то сказал ему, что эти шесть служанок, помимо заботы о повседневной жизни Владыки Цинлиня, также отвечали за его сон, Шу Цзюнь ничуть не удивился бы.

Однако если это «использование» имело двойной смысл в его случае, он не знал, как с этим справиться.

Сюэ Кайчао лишь мельком взглянул на него, его взгляд был лёгким, как бабочка, которая на мгновение коснулась плеча Шу Цзюня и быстро улетела.

— Багаж уже начали грузить, крупные вещи медленно перевозят, но я думаю, это не срочно. Мы вернёмся первыми, а багаж отправим позже.

Ю Юнь стояла рядом с Сюэ Кайчао, вкладывая свиток бумаги в маленький бамбуковый цилиндр на лапе почтового сокола, одновременно докладывая о своей работе.

Сюэ Кайчао кивнул, положил бамбуковую кисть, которую держал некоторое время, в керамическую подставку с чистой водой, подумал и спросил:

— Ты умеешь читать?

Естественно, он спрашивал Шу Цзюня.

— Раньше в деревенской школе учился, знаю иероглифы, но пишу плохо и книг не читал.

Шу Цзюнь ответил честно.

Если актёр, играющий в театре духов, умел читать и понимать текст пьесы, он быстрее запоминал свои реплики, поэтому глава труппы тоже спрашивал об этом. Если бы не это, Шу Цзюнь, возможно, не был бы здесь сегодня, а уже давно скитался бы и умер с голоду.

Но у него не было возможности читать книги, и тем более не было бумаги и чернил для письма, поэтому, когда его спросили об этом, он почувствовал неловкость, считая себя ни на что не годным.

Сюэ Кайчао снова выбрал кисть с подставки, проверил остриё пальцем, затем отошёл от стола и позвал его:

— Попробуй, напиши своё имя.

<http://bllate.org/book/16142/1445382>